

Ю.Н. Мухина

Педагогический институт СГУ
им. Н.Г. Чернышевского

ОТКУДА БЕРУТСЯ ДРИНЧУГАНЫ, МУЖИКОВЕДЫ И ГИППОКРАТШИ? О ХАРАКТЕРЕ ТВОРЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ

*Современная языковая ситуация
и проблемы культуры речи*

Словообразовательный потенциал русского языка позволяет проводить разнообразные по форме и содержанию лингвистические эксперименты, в результате которых получают право на жизнь (пусть и не всегда реализованное) индивидуально-личностные новообразования, границы которых распространяются за пределы готовых трафаретов, клише, составляющих основу речевой деятельности. Иными словами, создаются продукты индивидуального авторского творчества.

Творчество в языке нельзя отделить от языковой игры, причисляемой психологами и философами к ряду фундаментальных свойств человеческой культуры. В лингвистике языковая игра давно и продуктивно исследуется, о чем свидетельствует широкий диапазон научных работ, посвященных данному феномену [Виноградов, 1970; Кулинич, 1994; Санников, 1999; Ильясова, 2000; Береговская, 2001; Орлова, 2003; Рахимкулова, 2003; Сковородников, 2004; Бондаренко, 2004; Мухина, 2006; Горелов, Седов, 2008]. Следует отметить, что в большинстве работ языковая игра (каламбур) изучается прежде всего с точки зрения формального разнообразия и семантического наполнения, как средство создания комического эффекта (при этом акцент делается на ее стилистическом резонансе в тексте). Например:

Докторица разгадывала в свободное время кроссворд.

- Доктора Ревенко нет?

- Это я, — заторможено произнесла терапевтица.

- Как найти Яну Соколову, где ее палата?

Гиппократша наморщилась и наконец произнесла:

- *Кто это?* [Донцова, 2005: 44].

Выделенные лексические окказионализмы, образованные по продуктивной словообразовательной модели, в словаре не зафиксированы. С одной стороны, существительные «терапевтица», «гиппократша» с общей семантикой «врач» принимают активное участие в создании стилистического фона текста; кроме того, характеризуются наличием внутреннего, в данном случае иронического контекста, т. е. несут отпечаток субъективизма; с другой — перечисленные лексические единицы являются порождением текста, точнее конкретной ситуации, их функционирование подчинено целям семантической и стилистической организации текста. Они более нужны в данном контексте, поскольку более насыщены по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные, общеупотребительные слова, например «терапевт», «доктор» (см. подробнее [Мухина, 2006]).

В художественной русскоязычной литературе конца XX—начала XXI вв. немало примеров подобного

рода. Современное искусство ориентировано на игровой принцип создания и функционирования произведения, когда у писателя появляется свобода каждый раз жонглировать различными формами. Герои комедии Н. Коляды «Птица Феникс» актриса Роза Ивановна и молодой актер Максим дают довольно лаконичную характеристику немцу, оказавшемуся в гостях у «нового русского» и перебравшему спиртного:

М а к с и м (тихо). Кончай его клеить. Он мужиковед, видно ж. И он уж совсем косевич. Надринькался за день [Коляда, 2004: 56].

Р о з а. Чемпион по котлетометанию; хронический дринчуган [Коляда, 2004: 57].

Композиты такого рода образуются в процессе построения конкретных ситуативных высказываний, применительно к ситуативным задачам речевой коммуникации. В языковом сознании носителей русского языка присутствуют слова «искусствовед», «музыковед», «товаровед», однако нет образованного по аналогии «мужиковед» с коннотативным значением нетрадиционной сексуальной ориентации, как нет и слов «котлетометание», «дринчуган», «надринькался». Два последних слова — пример словообразования, где продуктивной является основа английского происхождения (drink — пить). В качестве производного выступает глагол деятельности субъекта. Глагол «надринькался» предположительно может быть отнесен к выделенному М.В. Черепановым типу со словообразовательным значением «удовлетвориться или пресытиться в результате длительного и интенсивного осуществления действия» [Черепанов, 2004: 227]. Тип широк по объему входящих в него производных, открыт и активен. Незафиксированность подобных окказионализмов в словарях и языковом сознании не препятствует адекватной рецепции их носителями русского языка, как не препятствует и осознанию иронического контекста их употребления. Дело в том, что современная ситуация с англоязычной интервенцией в русский язык настолько остра, что в последнее время можно говорить уже не об англоязычных заимствованиях, а о переключении кодов (code-switching). О большом потенциале иноязычных лексических элементов в порождении словообразовательных неологизмов упоминается в ряде исследовательских работ, где, наряду с констатацией того факта, что словопроизводство на базе английских заимствований является одной из наиболее продуктивных форм порождения новых смыслов в современном русском языке, приводятся убедительные статистические данные. Согласно этим данным, 90% новых производных слов образовано от основ иноязычного происхождения, в том числе и английского [Маринова, 2008; Александрова, 2009].

Однако языковая игра интересна не только своей актуализацией и функционированием в ткани текста, но и способами создания, в частности моделями кодирования содержания высказывания. Этот ракурс рассмотрения языковой игры напрямую связан с тезисом о том, что языковая форма является отражением когнитивных структур, т.е. структур человеческого сознания, мышления и познания. Поскольку языковое словотворчество — явление сознательное, неизбежно возникает вопрос о характере зависимости сознания сло-

вотворца от системы языка. Решение этого вопроса находится в поле ведения когнитивной науки. Следует иметь в виду, что когнитивная наука – сравнительно молодая область человеческого знания, и в ней еще не сформировалось окончательное понимание того, как устроена познавательная система человека, нет общепризнанной модели человеческого сознания.

Тем не менее представляется возможным предложить несколько утверждений относительно того, какие частные модели познания реализуются на уровне словообразовательной деятельности. Применение метода моделирования при исследовании ситуации создания и восприятия лексических новообразований может пролить свет на проблему того, как этот процесс обусловлен характером отражения окружающей действительности (особенностями постижения мира на основании наличия в сознании индивида конкретных когнитивных моделей).

В сознании субъекта познания как активной координаты речемыслительного процесса осуществляется целый ряд отдельных, но в то же время тесно взаимосвязанных когнитивных действий. Контакт человека с миром начинается в рамках восприятия как одной из форм чувственного мышления, представляющей собой «непосредственное отражение предмета или явления в целом, как совокупности определенных признаков» [Гречко, 2003: 121]. На уровне восприятия субъект познания выступает как наблюдатель. В зависимости от его активности выделяется два основных типа рассматриваемой когнитивной деятельности: нецеленаправленное (непреднамеренное, неосознанное) восприятие и целенаправленное (сознательно регулируемое) восприятие. Их различие наглядно формулируется С.Л. Рубинштейном: «Воспринимая, человек не только *видит*, но и *смотрит*, не только *слышит*, но и *слушает*, а иногда он не только *смотрит*, но *рассматривает* или *всматривается*, не только *слушает*, но и *прислушивается*; он часто активно выбирает установку, которая обеспечит адекватное восприятие предмета» [Рубинштейн, 2000: 226]. С тем чтобы результат индивидуального авторского словотворчества был адекватно воспринят, он должен быть направлен на реципиента, осуществляющего целенаправленную когнитивную деятельность.

На начальном этапе восприятие лексического новообразования основано на предположении о том, что абсолютно новые слова, не содержащие в своей внутренней форме каких-либо намеков на значение, создаются крайне редко. С точки зрения когнитивной лингвистики это значит, что, оперируя в определенных когнитивных условиях, автор так или иначе ограничен в языковой игре образцами, действующими на уровне памяти и узнавания и актуализованными в виде существующих в языке продуктивных словообразовательных моделей. В контексте данной статьи память функционирует не как индивидуальная способность хранить в голове знания о личном жизненном опыте, а как хранилище универсально-прецедентных характеристик языка. К ним можно отнести базовые (узнаваемые средним носителем языка) словообразовательные модели, например, «корень + -(н)ица» или «корень + -ша» (для номинации существительных женского рода), «на + корень + -ся» (для создания глаголов с семантикой пре-

сыщения или удовлетворения), «корень + -овать» (для создания глагола на базе существительного). Им соответствуют приведенные выше «*докторица*», «*терапевтица*», «*гиппократиша*», образованные по аналогии с «*львица*», «*тигрица*», «*кормилица*», «*учительница*», «*родительница*», «*докторша*», «*кассириша*»; «*надринькаться*», «*шопинговать*» [АиФ 2009], сопоставимые с другими глаголами данных семантических классов «*насмотреться*», «*наестся*», «*нагуляться*», «*митинговать*», «*критиковать*», «*блокировать*». Новообразований подобного рода большое количество, и подвести их под конечное число моделей сложно, но возможно. Подобные попытки предпринимаются, и основной их задачей является упорядочение авторской лексики с последующим созданием моделей для автоматической обработки текста [Поляков, 1999].

В процессе словосложения, в отличие от аффиксального словообразования, происходит не только «механическое» объединение нескольких основ, но и концептуальное объединение заложенных в них значений. Такое концептуальное слияние считается одним из центральных когнитивных процессов, пронизывающих повседневную человеческую деятельность. Подобно тому как значение фразеологизма не складывается из суммы значений составляющих его компонентов, вновь образованное концептуальное пространство не является сложением концептуальных пространств (значений) механически объединенных слов. Оно обладает своей уникальной структурой. С точки зрения когнитивной лингвистики интересно изучить отношение между этими концептуальными пространствами, а также параметры, по которым происходит отстранение от значений, заложенных в словоформах, послуживших основой для лексического новообразования.

Рассмотрим, каким образом происходит взаимодействие концептуальных пространств в лексическом новообразовании «*мужиковед*», образованном слиянием основ «*мужик*» и «*ведать*». По данным Толкового словаря русского языка [Ожегов, 2008], представленные основы являются носителями следующих заложенных в лексических единицах значений:

<p>мужик</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Крестьянин (в противоположении горожанину) (устар.). 2. То же, что мужчина (прост.). 3. То же, что муж (в 1 знач.) (прост.). 4. Невоспитанный, грубый человек (устар.). 	<p>ведать</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Знать (устар.). 2. Управлять, заведовать
--	--

Таким образом, при слиянии этих основ потенциально возможны сочетания значений 1–1 (иметь знания о крестьянах), 2–1 (иметь знания о мужчинах), 3–1 (иметь знания о мужьях), 4–1 (иметь знания о невоспитанных людях), 1–2 (управлять, заведовать крестьянами), 2–2 (управлять, заведовать мужчинами), 3–2 (управлять, заведовать мужьями), 4–2 (управлять, заведовать невоспитанными людьми), что приводит к воз-

никновению восьми семантических пространств. Следовательно, субъект (мужиковед) может выполнять одно из перечисленных действий, которое и характеризует его как носителя этой номинации. Тем не менее из всех возможных вариантов концептуального взаимодействия в каждом конкретном случае реализуется лишь один (мы, однако, не исключаем развития многозначности в лексических единицах, образованных словосложением), выявляемый в результате контекстного анализа. Результат контекстного анализа показывает, что ни одно из вновь созданных семантических пространств не удовлетворяет ситуации употребления окказионализма. На уровне когнитивных структур в данном случае происходит профилирование определенного признака из области значений лексической единицы «*мужик*», а именно заинтересованность в представителях того же пола, как проявление нетрадиционной сексуальной ориентации. Таким образом, композит типа «*мужиковед*» как способ концептуализации некоторой ситуации внеязыковой реальности предоставляет ментальную схему для осмысления других ситуаций, которые могут быть подведены под эту схему.

В заключение отметим, что способность к языковой игре свидетельствует о высоком уровне языковой способности, которая, в свою очередь, рассматривается как когнитивный механизм. Этот когнитивный механизм работает в тех направлениях, которые подкачивает языковая способность индивида, которая в совокупности с образами сознания и языковой компетентностью детерминирует пути познания окружающей действительности. В качестве перспективы исследования с позиций когнитивной лингвистики интересно проследить, насколько регулярно реализуются в языке определенные модели словообразования и по каким моделям осуществляется слияние ментальных смыслов, а также выявить доминантные «игровые» словообразовательные модели и степени их влияния на динамический характер смыслового пространства.

Литература

Александрова Т.Н. Когнитивное моделирование процессов смыслопорождения на базе английских заимствованных слов в русском языке // *Обработка текста и когнитивные технологии*. Вып. 17. Казань : КГУ, 2009. С. 359–367

Береговская Э.М. «Квази» (Чужой текст как материал для языковой игры)// *Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В.Г. Гака*. Дубна: Феникс+, 2001. С. 23–37

Бондаренко В.Т. Ответные фразеореплики в рус-

ской диалогической речи// *Рус. яз. в шк.* 2004. №6. С. 75–77.

Виноградов В.В. О теории художественной речи. М. : Высш. шк., 1970.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики : учеб. пособие. М. : Изд-во «Лабиринт», 1998.

Гречко, В.А. Теория языкознания : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 2003.

Ильясова С.В. Игра с внутренней формой слова как разновидность словообразовательной игры // *Филол. вестн. Рост. гос. ун-та*. 2000. №26- С. 32–37.

Кулинич М.А. Структура и семантика лингвистических средств выражения комического // *Иностр. яз. в шк.* 1994. №4. С. 69–73.

Маринова Е.В. Словообразовательная деривация на базе иноязычных слов как источник новых номинаций (на материале русского языка рубежа XX-XXI вв.) // *Вест. ТГУ*. 2008. Вып. 4(60). С. 205–209.

Мухина Ю.Н. Ироническая маркированность каламбура в художественном тексте // *Вестн. Саратов. гос. ун-та*. 2006. №3. Вып.2. С. 245–250.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008.

Орлова Г.К. Способы создания комического эффекта в сказке Г.Х. Андерсена «Маленький Клаус и Большой Клаус»// *Вестн. Моск. ун-та. Сер.9, Филология*. 2003. №2. С.135–140.

Поляков В.Н. Когнитивные механизмы распознавания неграмматичных явлений в морфологии русского языка // *Обработка текста и когнитивные технологии*. Пушкино : ОНТИ ПНЦ РАН, 1999. Вып. 3. С. 177–196.

Рахимкулова Г.Ф. Каламбуры Г.Гейне в интерпретации З. Фрейда// *Филол. вестн. Рост. гос. ун-та*. 2003. № 2. С. 35–38.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М. : Яз. рус. культуры, 1999.

Сквородников А.П. О понятии и термине «языковая игра»// *Филол. науки*. 2004. №2. С. 79–87.

Черепанов М.В. Очерк словообразовательной типологии русского глагола. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004.

Список источников примеров

Горланова Н., Букур В. // *Новый мир*. 2008. №3. С. 111–125.

Донцова Д. Жена моего мужа. М. : Эксмо, 2003.

Коляда Н. Птица Феникс// *Современная драматургия*. 2004. №2. С. 49–71.

Аргументы и факты. 2009. № 46 (11–17 нояб.).